

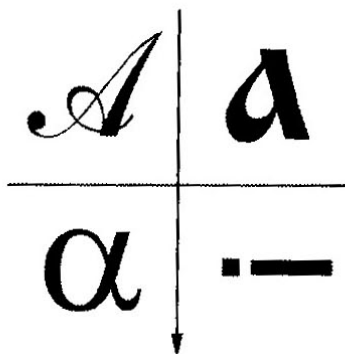
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра теоретического и славянского языкознания

**ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И
СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

Сборник статей молодых ученых
к 40-летию кафедры теоретического и
славянского языкознания БГУ

Минск
ИООО «Право и экономика»
2007

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ОБРАЩЕНИЯХ

Наше исследование посвящено довольно распространенному и, на первый взгляд, ничем не примечательному явлению – употреблению русских притяжательных местоимений *мой, наш* в обращениях, например: *радость моя, милый наш* и т.п. Очевидно, что значение местоимений в этой позиции относится к сфере прагматики и поэтому отличается от семантики лексем *мой* и *наш* в словосочетаниях *мой стул* или *наша работа*. Но в целом, и мы постараемся это показать, значение притяжательных местоимений в обращениях не выходит за границы семантики посессивности, так как они передают идею «взаимодействия субъекта с окружающим миром или его <...> общественных или личных связей с отдельными объектами этого мира» (Болдырев 2001, 90).

Для чего притяжательные местоимения употребляются в обращениях? Для того чтобы ответить на этот вопрос, проанализируем, с какими лексемами сочетаются интересующие нас местоимения в составе апеллятивных словосочетаний. Наиболее частотным является употребление местоимений *мой, наш* со словами, выражающими субъективную оценку: *моя ненаглядная, дорогой наш* и т.п. В таких случаях, как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, притяжательное местоимение указывает на субъект оценки («для меня ты милая/ /дорогая») (см. Арутюнова 1998, 116). Приведем примеры: *Татьяна Андревна обняла ее и тихонько, чуть слышно сказала: – Что с тобой, милая? Что с тобой, моя ненаглядная? Ни слова не может ответить Наташа, а слезы градом, а рыдания так и надрывают молодую грудь* (П.Мельников-Печерский. На горах)¹. *О, моя бесценная, дорогая моя, жизнь моя* (из письма И. Бунина к В. Пашенко).

Местоимение *наш* в составе обращения может указывать на множественность субъектов оценки, например: – *Поздравляю! — еще с порога крикнул Нагибин и, шагнув, обнял Скобелева. – Поздравляю, дорогой вы наш Михаил Дмитриевич! Я прямоком от Непокойчицкого; он-то и велел вас поздравить* (Б. Васильев. Были и небыли). Но чаще слово *наш* обозначает не конкретного «совокупного субъекта», а то, что говорящий представляет себя как часть некоторого целостного коллектива, например: *Пробивать надо все эти различные, почтеннейшие, недостижимые святая святых – наивысшие аттестационные комиссии. Кончатъ необходимо с этим. <...> Вот так, Николай Евгеньевич, дорогой наш друг, коллега и учитель! – Ах, умница, ах, золотой наш профессор, – раскудаhtалась возле Володи Аишен. – Вы оценили? Академик простого врача учителем назвал! Вы поняли,*

¹ Большинство примеров взято из Национального корпуса русского языка: <http://www.ruscorpora.ru>.

Владимир Афанасьевич? (Ю. Герман. Дорогой мой человек); *Он с чувством поцеловал Вереванне руку, и она суетно заволновалась.* — *Аркадий Маркович, дорогой наш, куда же вы запропастились?* *Она сказала это подобострастно, и тот снял шапку и во второй раз приложился к ее ласте* (К. Воробьев. Вот пришел великан).

Необходимо обратить внимание на то, что некоторые имена могут выполнять функцию обращения только в сочетании с притяжательными местоимениями: *свет мой, моя радость, мое золото* (обращение *золотце* уже возможно) и т.п. Вообще, с помощью лексемы *мой* можно образовать обращения практически от любой лексемы при условии ясности мотивации для адресата: *зверочек мой, «свиненок» мой бесценный* (из писем И. Бунина к В. Пащенко); *волосеночек мой* (из письма Л. Брик к В. Маяковскому); «...*У Москву поедишь, дочурочка, моя ластушка, мой сухарек, моя богинька, моя клюковка, моя дрыбалачка дорогенькая*». *И вот к нашему дому подъехало такси. Меня погрузили – учебники, чемодан, аккордеон. Подумать только – я еду в Москву!!* (Л. Гурченко. Аплодисменты). В таких контекстах притяжательное местоимение (в сочетании с уменьшительно-ласкательным суффиксом) актуализирует в лексеме, образующей обращение, семантику субъективной оценки.

Подобное явление наблюдается среди обращений, состоящих из притяжательного местоимения и имени собственного, например, *моя Машенька*. Можно сказать, что в таком случае, как и в примерах типа *волосеночек мой*, отношение говорящего выражается уменьшительно-ласкательным суффиксом, а значит, местоимение *моя* указывает на субъект оценки. Но как тогда быть с такими обращениями, как *моя Маша*? Приведем пример: *Ты, моя Маша, – продолжала она, вялыми губами поцеловав ее в лоб, – ты после меня обладать будешь моими сокровищами; тебя я всегда любила и охотно уступаю тебе место!* (А. Погорельский. Двойник, или Мои вечера в Малороссии). Дело, по всей видимости, в том, что специфическая семантика имени собственного позволяет присоединить к себе местоимение *мой* в значении 'имеющий отношение ко мне'. Имеется в виду то, что в значении имени собственного на первый план выходит экстралингвистический компонент – представления говорящего о носителе данного имени, а они, очевидно, положительные.

Употребление притяжательного местоимения и имени собственного в составе обращения отражает специфику апеллятивной семантики. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «в лингвистическом аспекте апеллятив интересен тем, что в нем достигается синтез наиболее объективного типа семантики с наиболее субъективным. Акт объединения чреват определенными синтаксическими последствиями: субъективная семантика стремится актуализировать обращение» (Арутюнова 1998, 120). Так, имя собственное в комплексе с притяжательным местоимением тяготеет к выражению не идентифицирующей, объективной семантики, а семантики субъективного типа.

Но обратим внимание на то, что далеко не все формы собственных имен сочетаются с местоимениями: **моя Мария Ивановна*, **моя Мария Петрова* и даже **моя Мария* не употребляются в речи в функции обращения. Официальная форма имени вступает в конфликт с субъективной семантикой местоимения. Отметим также искусственность обращения *дорогой мой Иван Иванович* и т.п. по сравнению с органичным для русской речи выражением *дорогой наш Иван Иванович*.

Для объяснения особенностей функционирования притяжательных местоимений в обращениях мы предлагаем следующую гипотезу: притяжательное местоимение в составе обращения сигнализирует о включении адресата в личную сферу говорящего (для местоимения *наш* это личная сфера «совокупного субъекта»), что само по себе является выражением субъективного отношения. Категория «личная сфера говорящего», введенное, как известно, Ю.Д. Апресяном, обозначает ментальное пространство, куда «входит говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» (Апресян, 1987: 28). Подобное явление наблюдается при употреблении местоимения *мой* с именами собственными вне обращений, например: название эссе М. Цветаевой «**Мой Пушкин**»; *Но вместе с тем это была жизнь фантастическая, невероятная — и безусловно счастливая. Я помню спасение челюскинцев и начало Отечественной войны, у меня был «мой» Пушкин, «мой» МХАТ и «моя» Ленинка* (Р. Фрумкина. Наискосок).

Понятие «личная сфера говорящего» объясняет то, что притяжательные местоимения не присоединяются к определенным типам обращений.

Во-первых, это официальные специализированные обращения (см. Гольдин 1987, 92-93) – слова, которые поэтому могут быть отнесены к любому человеку, не входящему в личную сферу говорящего: *гражданин, товарищ, сударь*.

Во-вторых, в функции обращения не употребляются притяжательные местоимения вместе с различными классами реляционных имен, т.е. слов, указывающих на отношение имени к другим объектам. Так, в русском языке нет обращений, состоящих из местоимения *мой* и нейтральных номинаций человека по социальному статусу: **мой начальник*, **мой коллега* и т.п. Устаревшие выражения вроде *мой господин* возможны, но в таком случае в семантике притяжательного местоимения нейтрализуется прагматический (субъективный) компонент значения и *мой* значит ‘такой, который относится к говорящему по социальным связям’ (см. Словарь структурных слов русского языка 1997, 193). Например: *Господин мой, буду я тащиться за тобой служанкой черной, нянькой неутешной, мой король молодой, старинный* (Н. Садур. Немец). Род социальных отношений между коммуникантами («снизу-вверх»), выражаемый обращением *мой господин*, исключает возможность интерпретации лексемы *мой* как знака включения адресата в личную сферу говорящего. В общении людей, занимающих разное положение, неуместно указание на «Я» говорящего и его личную сферу, акцент делается на личности и статусе собеседника, занимающего более

высокую степень социальной иерархии. Поэтому выражениям типа *мой господин* эквивалентны обращения с местоимениями второго лица: *Ваша милость, Ваше благородие, Ваше превосходительство, Ваше высочество, Ваше преосвященство*. Обращение на *Вы* вообще является одним из маркеров того, что адресат не входит в личную сферу говорящего, этим и объясняется невозможность употребления таких выражений, как *дорогой мой Иван Иванович*, а также развитие «вежливого» значения у местоимения *наш* в аналогичных конструкциях.

Невозможность присоединения местоимения *мой* к некоторым словам указывает на степень близости межличностных отношений, обозначенных этими лексемами. Так, например, распространено обращение *мой друг*, но апеллятивы *моя подруга* и *мой приятель* маловероятны, а *мой сосед* и *мой знакомый* и вовсе невозможны. Это говорит о том, что лексема *друг* наиболее четко выражает значение дружбы как типа близких межличностных отношений, в то время как в структуре лексического значения других слов важными (ядерными) являются другие семы ('недостаточная близость отношений' для слова *приятель*, 'женский пол' для слова *подруга*).

И, наконец, специфически ведут себя в составе обращений термины близкого родства *отец, мать, сын, дочь, дитя, брат, сестра* и т.п. Очевидно, что ближайшие родственники входят в личную сферу говорящего «по умолчанию», поэтому дублирование их статуса посредством местоимения является избыточным. Употребление этих лексем вместе с местоимениями возможно лишь в переносном значении: *отец мой* при разговоре со священником или с мужчиной, как правило, старшего возраста, *мать моя* при фамильярном обращении к женщине и т.п. Необходимо отметить, что все подобные употребления имеют ярко выраженные стилистические коннотации (просторечное, устаревшее и т.п.). Приведем несколько примеров: *Святители! Отцы мои и братья! Глубоко меня взволновало решение Святейшего Патриарха и Священного Синода о назначении меня епископом Сергиевским* (Антоний (Блум), митрополит Суражский. Слово при наречении во епископа); *– Душ-то в ней, отец мой, без малого восемьдесят, – сказала хозяйка, – да беда, времена плохи, вот и прошлый год был такой неурожай, что боже храни* (Н. Гоголь. Мертвые души); *– Прикажи, Лизанька, – сказала она, – карету закладывать, и поедем прогуляться. Лизанька встала из-за пьльцев и стала убирать свою работу. – Что ты, мать моя! глуха, что ли! – закричала графиня. – Вели скорей закладывать карету* (А. Пушкин. Пиковая дама).

Обратим внимание на то, что все реляционные имена, допускающие употребление в комплексе с притяжательным местоимением, легко развивают переносное значение и начинают употребляться по отношению к более широкому классу адресатов. На некоторые направления развития обращений с терминами родства мы уже указали. Отметим также обращение *друг мой*, которое может относиться к возлюбленной и вообще к любому адресату, например: *– Друг мой, товарищ мой, брат! – прошептал пассажир в большое и чистое ухо официанта. – Расслабьтесь, подумайте...*

*Не может не быть чая без лимона. Может только не быть чая с лимоном. Такое еще иногда бывает: чай есть, а лимона нет (А. Инин. Согласно меню); «Когда ты, – говорила Лиза Эрасту, – когда ты скажешь мне: «Люблю тебя, друг мой!», когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме Эраста. Чудно? Чудно, мой друг, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! (Н. Карамзин. Бедная Лиза). Выражение *господин мой* употребляется не только при обращении к человеку, связанному с говорящим определенными социальными отношениями, но и вообще по отношению к любому адресату как форма вежливости: «Беден, как крыса», – подумал трактирщик и решительно шагнул вперед: – А позвольте узнать, *мой господин*, какая такая надобность привела вас, человека нового, незнакомого, в наши заброшенные и ничем не примечательные края? (М. Дяченко, С. Дяченко. Привратник). В таких случаях, предпочтительным и более частотным является употребление слова *господин* без притяжательного местоимения, а это значит, что обращение изменило свое значение и перешло в разряд специализированных.*

Чем же объясняется такое своеобразное поведение реляционных имен в обращениях? Стандартными для этой группы лексики являются позиции субъекта и идентифицирующего предиката: *Мой муж/сын/брат/друг Иван – аспирант БГУ* или *Это мой муж/сын/брат/друг Иван*. А, как отмечает, А. Вежбицкая, «то, что может употребляться в качестве дескрипции, не может выступать в качестве обращения, и наоборот. Экспрессивные компоненты вводятся в обращения, а идентифицирующие – в субъекты. <...> Обращения – явные прагматические операторы, а прагматические операторы в языке, по видимому, стоят в стороне от показателей идентификации» (Вежбицкая 1982, 95). Высказывания типа *Это моя Маша* или *Моя Маша учится в аспирантуре* возможны, но подразумевают эллипсис реляционного имени: *Это моя дочь/сестра/жена Маша* или *Моя дочь/сестра/жена Маша учится на филфаке*. Такие словосочетания, как *моя дорогая*, могут функционировать речи в качестве дескрипции, но тогда они означают то же, что и *моя подруга* или *моя любовница*, а значит их употребление, в соответствии с концепцией А. Вежбицкой, является цитацией. Например: *Одна моя дорогая отсюда живет за квартал, другая моя дорогая – это почти идеал. Первая дорогая хочет меня посетить, вторая моя дорогая – тоже, но около десяти (Чайф. Обе подруги).*

Итак, местоимение *мой* в значении ‘такой, который относится к говорящему по родственным, дружеским, служебным, ассоциативным связям’ закреплено за дескриптивными употреблениями; в составе обращения притяжательное местоимение 1-го лица имеет другое значение: оно указывает на то, что адресат входит в личную сферу говорящего. Поэтому апеллятивные конструкции, состоящие из реляционного имени и местоимения, стремятся развить переносные значения и отграничиться от омонимичных им дескриптивных выражений, а различные лексемы,

выражающие субъективную оценку, с легкостью присоединяют к себе притяжательные местоимения в стандартном для обращения значении.

Литература

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5-33.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Болдырев Н.Н. Когнитивный аспект семантики притяжательных местоимений // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2001. С.89-90.

Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 237-262.

Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. М., 1987.

Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В.Морковкина. М., 1997.